

Ф.М. Достоевский

Бедные люди

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д70

Д70 **Достоевский Ф.М.**
Бедные люди: Роман / Ф.М. Достоевский – М.: Книга по Требованию, 2022. –
181 с.

ISBN 978-5-517-97551-5

ISBN 978-5-517-97551-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БѢДНЫЕ ЛЮДИ.

Охъ, ужь эти мнѣ сказочники! Пить чтобы написать что-нибудь полезное, пріятное, усладительное, а то всю подготовную въ землѣ вырываютъ!... Вотъ ужь запретить бы мнѣ писать! Ну на что это похоже; читаешь... возможно задуматься, — а тамъ всякая дребедень и поидеть въ голову: право бы запретить мнѣ писать: такъ-таки просто вовсе бы запретить.

Кн. В. Э. Одесскій.

Апрѣля 8.

Безцѣнная моя Варвара Алексѣевна!

Вчера я былъ счастливъ, чрезмѣрно счастливъ, до нѣльзя счастливъ! Вы хоть разъ въ жизни, упрямыя, меня послушались. Вечеромъ, часовъ въ восемь, просыпаюсь (вы знаете, маточка, что я часочикъ — другой люблю поспать послѣ должности), свѣчку достала, приготавливаю бумаги, чищу перо, вдругъ, невзначай, подымаю глаза, — право, у меня сердце вотъ такъ и запрыгало! Такъ вы таки-поняли чего мнѣ хотѣлось, чего сердчишку моему хотѣлось! Вижу уголочекъ занавѣски у окна вашего загнуть и прицѣпленъ къ горшку съ бальзамномъ, точнехонько такъ, какъ я вамъ тогда намекала; тутъ же показалось мнѣ, что и личико ваше мелькнуло у окна, что и вы ко мнѣ изъ комнатки вашей смотрѣли, что и вы обо мнѣ думали. И какъ же

миѣ досадно было, голубчикъ мой, что милвиднаго личика-то вашего я не могъ разглядѣть хорошенько! Было время когда и мы свѣтло видѣли, маточка. Не радость старость, родная моя! Вотъ и теперь все какъ-то рябитъ въ глазахъ; чуть поработаешь вечеромъ, попишешь что-нибудь, на утро и глаза раскрасируются, и слезы текутъ, такъ что даже совѣстно передъ чужими бывать. Однакоже, въ воображеніи моемъ такъ и засвѣтлѣла ваша улыбочка, ангельчикъ, ваша добренькая, привѣтливая улыбочка; и на сердцѣ моемъ было точно такое же ощущеніе, какъ тогда, какъ я поцаловалъ васъ, Варинька, — помните ли, ангельчикъ? Знаете ли, голубчикъ мой, миѣ даже показалось, что вы тамъ миѣ пальчикомъ погрозили? Такъ ли, шалунья? Непремѣнно вы это все опишите подробнѣе въ вашемъ письмѣ.

Ну, а какова наша придумочка на счетъ зававѣски вашей, Варинька? Премилю, не правда ли? Снужу ли за работой, ложусь ли спать, просыпаюсь ли и ужъ знаю, что и вы тамъ обо миѣ думаете, меня помните, да и сами-то здоровы и веселы. Опустите зававѣску — значить прощайте, Макарь Алексѣевичъ, спать пора! Подымите — значить съ добрымъ утромъ, Макарь Алексѣевичъ, каково-то вы спали, или: каково-то вы въ вашемъ здоровьи, Макарь Алексѣевичъ? Что же до меня касается, то я, слава Творцу, здорова и благополучна! Видите ли, душечка моя, какъ это ловко придумано; и писемъ не нужно! Хитро, неправда ли? А вѣдь придумочка-то моя! А, что, каковъ я на эти дѣла, Варвара Алексѣевна?

Доложу я вамъ, маточка моя, Варвара Алексѣевна, что спалъ я сію ночь добрымъ порядкомъ, вопреки

ожиданій, чѣмъ и весьма доволенъ; хотя на новыхъ квартирахъ, съ новоселья, и всегда какъ-то не спится; все что-то такъ, да не такъ! Всталъ я сегодня такимъ яснымъ соколомъ — любо-весело! Что это какое утро сего-дня хорошее, маточка! У насъ растворили окошко; солнышко свѣтитъ, птички чиркаютъ, воздухъ дышетъ весенними ароматами, и вся природа оживаетъ — ну, и остальное тамъ все было тоже соответственное; все въ порядкѣ по весеннему. Я даже и по-мечталъ сегодня довольно пріятно, и все объ васъ были мечтанія мои, Варинька. Сравнилъ я васъ съптичкой небесной, на утѣху людямъ и для украшенія природы созданной. Тутъ же подумалъ я, Варинька, что и мы, люди, живущіе въ заботѣ и тревоженіи, должны тоже завидовать беззаботному и певниному счастью небесныхъ птицъ, — ну и остальное все такое же, сему же подобное; т. е. я все такія сравненія отдаленныя дѣлалъ. У меня тамъ книжка есть одна, Варинька, такъ въ-ней то же самое, все такое же весьма подробно описано. Я къ тому пишу, что вѣдь разныя бываютъ мечтанія, маточка. А вотъ теперь весна, такъ и мысли все такія пріятныя, острыя, затѣйливыя, и мечтанія приходятъ иѣжныя; все въ розовомъ цвѣтѣ. Я къ тому и написалъ это все; а впрочемъ я это все взялъ изъ книжки. Тамъ сочинитель обнаруживаетъ такое же желаніе въ стихкахъ и пишетъ —

Зачѣмъ я не птица, не хищная птица!

Ну и т. д. Тамъ и еще есть разныя мысли, да Богъ съ ними! А вотъ, куда это вы утромъ ходили сегодня, Варвара Алексѣевна? Я еще и въ должность не сбѣрался, а вы, ужь подлинно какъ пташка весенняя, порхнули изъ комнаты, и по двору прошли такая ве-

селенькая. Какъ миѣ-то было весело, на васъ глядя! Ахъ, Варинька, Варинька! — вы не грустите; слезами горю помочь нельзя; это я знаю, маточка моя, это я на опытѣ знаю. Теперь же вамъ такъ покойно, да и здоровьемъ вы немного поправились. — Ну, что ваша Оедора? Ахъ, какал же она добрая женщина! Вы миѣ, Варинька, напишите какъ вы тамъ съ нею живете теперь, и всѣмъ ли вы довольны? Оедора-то немного ворчлива; да вы на это не смотрите, Варинька. Богъ съ нею! Она такая добрая.

Я уже вамъ писалъ о здѣшней Терезѣ, тоже и добрая и вѣрная женщина. А ужъ какъ я беспокоился объ нашихъ письмахъ! Какъ они передаваться-то будутъ? А вотъ какъ-туть послалъ Господь на наше счастье Терезу. Она женщина добрая, кроткая, безсловесная. Но наша хозяйка просто безжалостная. Затираетъ ее въ работу словно ветонку какую пубудь.

Ну, въ какую же я труппу попалъ, Варвара Алексѣвна! Ну ужъ кварта! Прежде я вѣдь жилъ такимъ глухаремъ, сами знаете; — смирно, тихо; у меня, бывало, муха летитъ, такъ и муху слышно. А здѣсь шумъ, крикъ, гвалтъ! Да вѣдь вы еще и не знаете какъ это все здѣсь устроено. Вообразите, примѣрно, длинный корридоръ, совершенно темный и нечистый. По правую его руку будетъ глухая стѣна, а по лѣвую все двери, да двери, точно номера, все такъ въ рядъ простираются. Ну вотъ и занимаютъ эти номера, а въ нихъ по одной комнаткѣ въ каждомъ; живутъ въ одной и по двое и по трое. Порядку не спрашивайте — Носѣвъ ковчегъ! Впрочемъ, кажется, люди хорошіе, все такіе образованные, ученые. Чиновникъ одинъ есть.

(онъ гдѣ-то по литературной части), человекъ начитанный; и о Гомерѣ, и о Брамбеусѣ, и о разныхъ у нихъ тамъ сочинителяхъ говорить, обо всемъ говорить; — умный человекъ! Два офицера живутъ и все въ карты играютъ. Мичманъ живетъ; Англичанинъ учитель живетъ.— Постоите, я васъ потѣшу, маточка; опишу ихъ въ будущемъ письмѣ сатирически, т. е. какъ они тамъ сами по себѣ, со всею подробностію. Хозяйка наша, — очень маленькая и мечетая старушонка, цѣлый день въ туфляхъ да въ шлафрокѣ ходитъ, и цѣлый день все кричитъ на Терезу. Я живу въ кухнѣ, или гораздо правильнѣе будетъ сказать вотъ какъ: тутъ подлѣ кухни есть одна комната (а у насъ, нужно вамъ замѣтить, кухня чистая, свѣтлая, очень хорошая), комнатка небольшая, уголокъ такой скромный... т. е. или еще лучше сказать, кухня большая въ три окна, такъ у меня вдоль поперечной стѣны перегородка, такъ что и выходитъ какъ бы еще комната, пумерь сверхштатный; все просторное, удобное, и окно есть, и все,— однимъ словомъ, совершенно удобное. Ну, вотъ это мой уголокъ. Ну, такъ вы и не думайте, маточка, чтобы тутъ что-нибудь такое иное и таинственный смыслъ какой былъ; что вотъ дескать кухня! — т. е. я, пожалуй, и въ самой этой комнатѣ за перегородкой живу, но это ничего; я себѣ ото всѣхъ особнякомъ, по-маленьку живу, въ тихомолочку живу. Поставилъ я у себя кровать, столъ, комодъ, стульсѣвъ парочку, образъ повѣсилъ. Правда, есть квартиры и лучше, можетъ-быть, есть и гораздо лучшея, да удобство-то главное; гдѣ это я все для удобства, и вы не думайте, что для другаго чего-нибудь. Ваше окошко напротивъ, черезъ дворъ; и дворъ-то узенькой, васъ мимоходомъ уви-

дишь — все веселѣе мнѣ горемычному, да и дешевле. У насъ здѣсь самая послѣдняя комната, со столомъ, 35 руб. ассигн. стóитъ. Не по карману! А моя квартира стóитъ мнѣ семь руб. ассиг., да столъ пять цѣлковыхъ: вотъ 24 съ полтиною, а прежде ровно 30 платилъ, за то во многомъ себѣ отказывалъ; чай пивалъ не всегда, а теперь вотъ и на чай и на сахаръ выгадаю. Оно, знаете ли, родная моя, чаю не пить какъ-то стыдно; здѣсь все народъ достаточный, такъ и стыдно. Ради чужихъ и пьешь его, Варнишка, для вида, для тона; а по мнѣ все равно, я не прихотливъ. Положите такъ, для карманныхъ денегъ — все сколько нибудь требуется — ну сапожишки какіе нибудь, платишко — много ль останется? Вотъ и все мое жалованье. Я-то не ропщу и доволенъ. Оно достаточно. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ достаточно; награжденія тоже бываютъ. — Ну, прощайте, мой ангельчикъ. Я вамъ тамъ купилъ парочку горшковъ съ бальзамничкомъ, и гераньку — не дорого. А вы, можетъ-быть, и резеду любите? Такъ и резеда есть, вы напишите; да знаете ли все какъ-можно-подробнѣе напишите. Вы, впрочемъ, не думайте чего нибудь и несомнѣвайтесь, маточка, обо мнѣ, что я такую комнату нанялъ. Нѣтъ, это удобство заставило и одно удобство соблазнило меня. Я вѣдь, маточка, деньги коплю, откладываю; у меня денюжка водится. Вы не смотрите на то, что я такой тихонькой, что, кажется, муха меня крыломъ перешибеть. Нѣтъ, маточка, я про себя не промахъ, и характера совершенно такого, какъ прилично твердой и безмятежной души человѣку. Прощайте же, прощайте, мой ангельчикъ! Расписался я вамъ чуть не на двухъ листахъ, а

на службу давно пора. Цалую ваши пальчики, маточка, и пребываю

Вашимъ нижайшимъ слугою и вѣрнѣйшимъ другомъ

Макаромъ Дьвушкинымъ.

Р. S. Объ одномъ прошу : отвѣчайте мнѣ, ангельчикъ мой, какъ-можно подробнѣе. Я вамъ при семъ посылаю, Варинька, фунтикъ конфетъ; такъ вы ихъ скушайте на здоровье, да ради Бога обо мнѣ не забываетесь, и не будьте въ претензіи. Ну, такъ прощайте же, маточка.

Апрѣля 8

М. Г. Макарь Алексѣевичъ.

Знаете ли, что мнѣ прійдется наконецъ совсѣмъ поссориться съ вами? Клянусь вамъ, добрый Макарь Алексѣевичъ, что мнѣ даже тяжело принимать ваши подарки. Я знаю чего они вамъ стоѣтъ, какихъ лишешій и отказовъ въ необходимѣйшемъ себѣ самому. Сколько разъ я вамъ говорила, что мнѣ не нужно ничего, совершенно ничего; что я не въ силахъ вамъ воздать и за тѣ благодаренія, которыми вы доселѣ осыпали меня. И зачѣмъ мнѣ эти горшки? Ну, бальзамнички еще ничего, а геранька зачѣмъ? Одно словечко стоить неосторожно сказать, какъ напр. объ этой герани, ужъ вы тотчасъ и купите; вѣдь вѣрно дорогого? Что за прелесть на ней цвѣты! Пунсовые крестиками. Гдѣ это вы достали такую хорошенькую гераньку? Я ее посредниѣ окна поставила, на самомъ видномъ мѣстѣ; на полу же поставлю скамейку, а на скамейку еще цвѣтовъ поставлю; вотъ только дайте

ми! самой разбогатѣть! Федора не нарадуется; у насъ теперь словно рай въ комнаткѣ, — чисто, свѣтло! Ну, а конфеты зачѣмъ? И право, я сейчасть же по письму угадала, что у васъ что нибудь да не такъ — и рай, и весна, и благоуханія летаютъ, и птички чирикаютъ. Что это, думаю, ужь шѣтъ ли тутъ и стиховъ? Вѣдь, право, однихъ стиховъ и не достаетъ въ письмѣ вашемъ, Макарь Алексѣевичъ! И ощущенія шѣжныя и мечтанія въ розовомъ цвѣтѣ — все здѣсь есть! Про занавѣску и не думала; она вѣрно сама зацѣпилась, когда я горшки переставляла; вотъ вамъ!

Ахъ, Макарь Алексѣевичъ! Что вы тамъ ни говорите, какъ вы рассчитывайте свои доходы, чтобъ обмануть меня, чтобы показать, что они все сплошь идутъ на васъ одного, но отъ меня не утаите и не скроете ничего. Ясно, что вы необходимаго лишаетесь изъ-за меня. Что это вамъ вздумалось, напр., такую квартиру нанять? Вѣдь васъ беспокоятъ, тревожатъ; вамъ тѣсно, неудобно. Вы любите уединеніе, а тутъ и чего-чего шѣтъ около васъ! А вы бы могли гораздо лучше жить, судя по жалованью вашему. Федора говоритъ, что вы прежде и не въ-примѣръ лучше теперешняго жили. Не-уже-ли жь вы такъ всю свою жизнь прожили, въ одиночествѣ, въ лишеніяхъ, безъ радости, безъ дружескаго привѣтливаго слова, у чужихъ людей углы панимая? Ахъ, добрый другъ, какъ мнѣ жаль васъ! Щадите хоть здоровье свое, Макарь Алексѣевичъ! Вы говорите, что у васъ глаза слабѣютъ, такъ не шните при свѣчахъ; зачѣмъ писать? Ваша ревность къ службѣ и безъ того, вѣроятно, извѣстна начальникамъ вашимъ.

Еще разъ умоляю васъ , не тратьте на меня столько денегъ . Знаю , что вы меня любите , да сами-то вы не богаты.... Сегодня я тоже весело встала . Миѣ было такъ хорошо ; Федора давно уже работала , да и миѣ работу достала . Я такъ обрадовалась ; сходила только шелку купить , да и принялась за работу . Цѣлое утро миѣ было такъ легко на душѣ , я такъ была весела ! А теперь опять все черныя мысли , грустно ; все сердце изныло .

Ахъ , что-то будетъ со мною , какова-то будетъ моя судьба ! Тяжело то , что я въ такой неизвѣстности , что я не имѣю будущности , что я и предугадывать не могу о томъ , что со мной станется . Назадъ и посмотрѣть страшно . Тамъ все такое горе , что сердце пополамъ рвется при одномъ воспоминаніи . Вѣкъ буду я плакаться на злыхъ людей , меня погубившихъ !

Смеркается . Пора за работу . Я вамъ о многомъ хотѣла бы написать , да некогда , къ сроку работа . Нужно спѣшить . Конечно , письма хорошее дѣло ; все не такъ скучно . А зачѣмъ вы сами къ намъ никогда не зайдете ? Отъ-чего это , Макаръ Алексѣевичъ ? Вѣдь теперь вамъ близко , да и время иногда у васъ выгадывается свободное . Зайдите , пожалуйста ! Я видѣла вашу Терезу . Опа , кажется , такая больная ; жалко было ее ; я ей дала 20 копеекъ . Да ! чуть-было не забыла : непременно напишите все , какъ можно подробнѣе , о вашемъ житіи-бытіи . Что за люди такіе кругомъ-васъ , и ладно ли вы съ ними живете ? Миѣ очень хочется все это знать . Смотрите-же , непременно напишите ! Сегодня ужъ я нарочно уголъ загну . Ложитесь по раньше ; вчера я до полночи у васъ огонь видѣла . Ну , прощай-

те. Сегодня и тоска, и скучно, и грустно! Знать ужь день такой! Прощайте.

Ваша
Варвара Доброселова.

Апрѣля 8.

Милостивая государыня
Варвара Алексѣевна!

Да, маточка, да, родная моя, знать ужь денекъ такой на мою долю горемычную выдался! Да; подшутили вы надо мной, старикомъ, Варвара Алексѣевна! Впрочемъ, самъ виновать, кругомъ виновать! Не пускаться бы на старости лѣтъ, съ клочкомъ волосъ, въ амурѣ да въ экивоки.... И еще скажу, маточка: чуденъ иногда человѣкъ, очень чуденъ. И, святые вы мои! о чемъ заговорить, занесетъ подь-часъ! А что выходитъ-то, что слѣдуетъ-то изъ этого? Да ровно ничего не слѣдуетъ, а выходитъ такая дрянь, что убереги меня Господи! Я, маточка, я не сержусь, а такъ досадно только очень вспоминать обо всемъ, досадно, что я вамъ написалъ такъ фигурно и глупо. И въ должность-то я пошелъ сегодня такимъ гоголемъ-шоголемъ; сіяніе такое было на сердцѣ. На душѣ ни съ того ни съ сего такой праздникъ былъ; весело было! За бумаги принялся рачительно — да что вышло-то потомъ изъ этого! Ужь потомъ только какъ осмотрѣлся, такъ все стало по прежнему и сѣренько и темненько. Все тѣ же чернильные пятна, все тѣ же столы и бумаги, да и я все такой же; такъ какимъ былъ, совершенно такимъ же и остался, — такъ чего же тутъ было на Пегасѣ-то ѣздить? Да изъ чего это вышло-то все? Что солнышко